

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

- Ю. А. Кривошапова. Жгонский язык костромских пимокатов: социолингвистический аспект 2
- В. С. Кучко. Ярилова плешь — праздник в Макарьевском районе Костромской области 5
- О. Д. Сурикова. «На Сорок сороков сорок сорок прилетает...»: символика числа 40 в костромских говорах 8
- В. В. Напольских. К этимологии рус. *сорок* 11
- Л. В. Косова, Т. А. Макишкова. «Вместо мозгов — брусничка!» (лексика интеллектуальной неполноценности в говорах Макарьевского района Костромской области) 13
- К. О. Чекан, Д. Р. Шайхинурова. Народная антропонимия Макарьевского района Костромской области 16

ИМЯ В КУЛЬТУРЕ

- И. А. Седякова. Болгарский антропоним во времени и пространстве 19
- А. И. Грищенко. Как библейский патриарх Иосиф стал татариним Исупом? 23
- С. Н. Амосова. Имена-апокрифы в еврейской традиции 26
- О. В. Белова. «Ехали хазары...»: «этническая» версия одного балладного сюжета 29
- И. И. Муллонен. Топонимическая память о средневековых карельских крепостях в Сортавале 32
- Е. О. Борисова. Как Лапоть стал Ботинком: о вариантах индивидуальных прозвищ на Урале и Русском Севере 36

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

- Д. В. Смирнов. Первое отечественное руководство по применению звукозаписи в экспедиционно-собирающей практике 39
- О. В. Гордиенко. Соударяемые палки русских сторожей 42

ВЫСТАВКИ

- О. Г. Баранова, Е. В. Дьякова, А. Б. Островский, О. М. Фишман, А. В. Христенко. Выставка «Радость пасхальная» 44

ЭКСПЕДИЦИИ

- В. А. Шилкин. Святки в Камышинском районе Волгоградской области 49
- Е. В. Воронцова. Религиоведческая экспедиция в Тамбовскую область 53
- А. П. Ридэль. Нелегальные промыслы верующих в Тамбовской области в 1950–1960-е гг. 56
- В. П. Фатянова. Приданое в послевоенный период (Сосновский район Тамбовской области) 59

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Т. Г. Иванова. Сборник тульских песен в записях Н. Ф. Соловьева 63
- С. В. Алтатов, П. Б. Поветкина. Феномен малой родины в текстах устной истории 64

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

- А. А. Липатова, М. Г. Матлин, В. Ф. Шевченко. Светлой памяти Майны Павловны Чередниковой 66
- Е. А. Дорохова. Памяти Андрея Николаевича Власова 68

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. А. Бодрова. XIV Мелетинские чтения: секция «Устная история и фольклор» 69
- Д. С. Олексюк. Круглый стол «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» 71

Проект реализован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2023
ГОД ПЕДАГОГА
И НАСТАВНИКА

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный Рос-
сийский Дом народного творчества им.
В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский
этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом народ-
ного творчества им. В. Д. Поленова

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профес-
сор, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Д. В. Морозов, Государственный Рос-
сийский Дом народного творчества им.
В. Д. Поленова

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный
гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профес-
сор, Институт славяноведения РАН, Нацио-
нальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

Что касается мелодии, то, как отмечает публикатор варианта из Могилёвской губернии, «...мотив песни замечательно печальный, как бы похоронный» [7. С. 199, № 46]¹⁰. При этом песня помещена публикатором в раздел песен «юмористических», что наводит на мысль о том, что использование «еврейской» мелодии здесь, возможно, имеет характер пародии. Исследователь мелодической структуры баллады о похищенной девушке К. В. Квитка также указывал на стилизаторскую функцию «еврейских» припевов, включенных в традиционные славянские балладные мелодии [5. С. 89–91, нотный пример на с. 170]. Музыковед Михаил Лукин (Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль) высказал предположение, «что куплеты пелись на украинскую печальную мелодию, а припевы — на псевдо-хасидскую. Потому как исполнение целой баллады на псевдо-хасидскую, мне кажется, не прижилось бы в украинской среде, баллада все-таки должна звучать на родном музыкальном языке, даже если она и цитирует чужой (музыкальный) язык»¹¹.

Рассматриваемые нами варианты баллады с упоминанием евреев и хазар эту структурную особенность уже утратили, и «этническую окраску» сюжета придает лишь указание на национальность похитителей.

У нас нет оснований недоверять тем, кто утверждает, что слышал от своих предков балладу о похищении девушки Гали хазарами. Проблема состоит в том, что большинство этих свидетельств не атрибутированы и не привязаны к какой-либо конкретной локальной традиции. В настоящее время песни, в которых действуют чужеземцы под этническими именами «хазары/хазары», «жыды», «жыдыкы» и чей образ иногда приобретает антисемитскую окраску, локализуются на брянско-черниговском

пограничье, на юге Киевской и севере Черкасской областей Украины. Возможно, перед нами узколокальная версия баллады, текстологическое изучение которой еще предстоит.

Примечания

¹ В. Любченко провел детальный анализ 30 украинских вариантов «Баллады о Хайке», записанных со второй половины XIX в. до конца XX в., определил географию сюжета, выделил основные мотивы и структурные элементы текстов [11. С. 226–227].

² Обратим внимание на то, что это не самоназвание гостей: далее они сами себя именуют «молодцами». В сходном варианте из Херсонской губернии в качестве похитителей фигурируют «тры молодци» [9. С. 86].

³ Фольклорный архив факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (<https://folklore.linghub.ru>), ID507, записали Э. Г. Матвеева, Е. С. Очкасова.

⁴ Здесь и далее выделено нами.

⁵ Таким образом, перед нами еще один вариант с счастливой развязкой — героиня спасена.

⁶ Видеоролик Творческой студии «Импульс» «Развенчиваем мифы: ОЙ ТЫ, ГАЛЮ, Как хазары казаками стали» 2016. 23 авг. URL: <https://youtu.be/Fnd8D0Cqy4>. Текст воспроизведен с сохранением орфографии и строфики источника.

⁷ Іхали хозари (народна пісня) — співає кобзар Василь Литвин // Подорожній Знахар: [канал на YouTube]. 2017. 11 апр. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MzCcZUoqMeg>. Текст воспроизведен с сохранением орфографии и строфики источника.

⁸ См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MzCcZUoqMeg>. Здесь и далее тексты приводятся с сохранением авторской орфографии.

⁹ См. также примеры: [11. С. 233].

¹⁰ В публикации отмечается, что аналогичные тексты записывались в Гомель-

ском, Сенненском, Чериковском и Рогачёвском уездах.

¹¹ Из письма М. Лукина от 18 мая 2023 г. Благодарю коллегу за подробную консультацию и указание на ряд ценных печатных источников.

Литература

1. *Береговский М.* Еврейские народные песни / под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1962.
2. *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 3: Песни. Чернигов, 1899.
3. *Демуцький П.* Народні українські пісні в Київщині. Ч. 1. Київ, 1905.
4. *Добровольский В. Н.* Смоленский областного словарь. Смоленск, 1914.
5. *Квитка К. В.* Українські пісні про дівчину, що помандрувала з зводителем // Етнографічний вісник. 1926. № 2. С. 78–107, 167–173.
6. Материалы для этнографии Херсонской губернии / собрал И. В. Бессараба. СПб., 1916. (Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. акад. наук; т. 94, № 4).
7. *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 1: Песни, пословицы, загадки. Киев, 1886.
8. *Смирнов Ю. И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
9. *Чикаленко Е.* Лирнык Василий Мороз // Киевская старина. Т. 52. № 3. 1896. С. 79–87.
10. *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. Ч. 1. СПб., 1887.
11. *Liubchenko V.* Didactic Ballad of Haika: Some Approaches to the Question of Ukrainian-Jewish Bilingual Folklore // Українська орієнталістика: Спеціальний випуск з юдаїки / під ред. В. Черноіваненка. Київ, 2011. С. 225–242.

Статья поступила в редакцию 6 июня 2023 г.

Ирма Ивановна Муллонен,

чл.-кор. РАН, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРЕЛЬСКИХ КРЕПОСТЯХ В СОРТАВАЛЕ

Аннотация. В статье предложена реконструкция на основе топонимии некоторых элементов историко-культурного ландшафта окрестностей г. Сортавалы в Северном Приладожье — территории формирования карельского этноса. Топонимы с основой linna- (карел. linna 'крепость') сохраняют память о средневековой истории, а в комплексе с названиями смежных объектов позволяют восстановить фрагменты средневековой исторической карты местности. Проведена также этимологическая интерпретация ряда топонимов, в частности, названия известного археологического памятника городища Паасо, восходящего через ряд преобразований к исходному русскому Спас.

Ключевые слова: топонимия, историко-культурный ландшафт, этимология, средневековые крепости, карелы, Сортавала

Сортавала — небольшой город на северном берегу Ладожского озера, территории, где на рубеже I–II тыс. н.э. происходило формирование карельского этноса. Город с непростой судьбой, как любое поселение в пограничье. На протяжении многих веков Северное Приладожье было полем битвы Великого Новгорода, а затем последовательно Московского царства, России и СССР со Шведским королевством и Финляндией и переходило из рук в руки. Происходила и смена населения: многие карелы (коренное население) в XVII в., с вхождением территории в состав Шведского государства, покинули эти места и сюда пришли финские переселенцы. Еще более коренная этническая смена произошла в 1944 г., когда оставленную

финнами территорию заняли переселенцы из разных мест Советского Союза. Казалось бы, жернова истории должны были перемолоть топонимию, которая сложилась тут в карельское Средневековье. Именно так случилось на Карельском перешейке, вошедшем в состав Ленинградской области: здесь на присоединенных после Второй мировой войны землях финские названия (в корнях своих карельские) были заменены новоделами, никак не связанными с историей и традиционной культурой этой территории. Карелии повезло, поскольку было принято решение использовать финские названия, многие из которых по истокам своим являются древнекарельскими. Они были транслитерированы с финских карт и широко вошли в устное бытование. Третье поколение сортавалцев — потомков послевоенных переселенцев — успешно использует их, приспособив к русской грамматической и фонетической системам. При этом сопоставление топонимии известного источника московского времени — «Переписной Окладной книги по Новгороду Вотской пятины» 1500 г. [3] с названиями, представленными на картах и в других шведских источниках XVII–XVIII вв., а также с соответствующими финскими материалами XIX–XX вв. убеждает в том, что преемственность в назывании существовала применительно к основным объектам Сортавалы и окрестностей и в прошлом. Многие названия хранят память о далеких поколениях карелов, освоивших эти места на рубеже I–II тыс.

Коллекция топонимов Сортавалы и всего Северного Приладожья хранится в Топонимическом архиве Финляндии. Материал собирался в военные и послевоенные годы от эвакуированных в Финляндию жителей этих мест. Благодаря электронному ресурсу, созданному усилиями Центра родных языков Финляндии, он доступен в интернете (<https://nimiarkisto.fi>). По Сортавале и окрестностям это почти 7500 топонимов.

Далее на материале данных Топонимического архива Финляндии, топографических карт разного времени, а также археологических исследований предложен сюжет, связанный с наиболее характерной особенностью культурного ландшафта Северного Приладожья — средневековыми карельскими крепостями.

ЛИННАМЯКИ 'КРЕПОСТНАЯ ГОРА' В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СОРТАВАЛЫ

Руины городищ-крепостей в виде каменных оснований стен еще сохраняются на берегах и островах Ладоги. Они напоминают о беспокойном времени варяжских, позднее шведских

да и просто разбойничьих набегов. Топонимические модели *Linnamäki/Линнамьяки* 'крепостная гора', *Linnavuori/Линнавюри* 'крепостная высокая гора', *Linnasaari/Линнасаари* 'крепостной остров' являются типовыми для Карельского Приладожья, здесь более 70 таких топонимов. Недаром в среде археологов топоним *Linnamäki* используется как термин (*линнамьяки*), обозначающий возвышенности, на которых в Средневековье размещались крепости. Бытует точка зрения, что не все места из названных «крепостными» топонимами на самом деле были крепостями, а топонимы — своего рода метафоры, которые характеризовали высокие неприступные скалистые берега озера или островов [1. С. 11–28]. Тем не менее практически во всех обследованных археологами местах, помеченных топонимами с основой *-linna* 'крепость' (а это около 30 объектов), обнаружены археологические находки эпохи Средневековья, каменная кладка, остатки валов. Особенно важно, что именно топонимы были посылком для проведения археологического обследования. Опираясь на них, финский археолог Ялмар Апфельгрэн обнаружил в конце XIX в. целую серию средневековых крепостей-городищ. Кроме того, есть реальная перспектива открытия новых памятников, т.е. археологического подтверждения размещения крепостей, и на необследованных местах, помеченных «крепостными» топонимами. По археологическим материалам памятники датируются первыми веками II тыс.

В окрестностях Сортавалы в топонимии представлены две горы с названием *Линнавюри*, одна — *Линнамьяки*, два острова *Линнасаари*, а также две горы *Липинлинна*. Во всех местах, названных так, археологически подтверждены бывшие средневековые крепости. При этом следы средневековых укреплений обнаружены и в ряде других мест, однако их названия не помечены топоосновой *linna* 'крепость'. С точки зрения номинации особенно интересны горы с названием *Lapinlinna/Липинлинна* 'лопарская крепость'. Среди крепостей Северного Приладожья по крайней мере пять известны под этим именем. Народная традиция считает, что их соорудили лопари. Однако этноним здесь использован не в привычном современном значении 'саамы', а в мифологическом 'прежние жители, первые обитатели' этих мест. Они приравниваются здесь к мифологическим великанам, которых именуют *meteliläiset/метелиляйсет* [4. С. 3–4], букв. «производящие шум».

Топонимия позволяет реконструировать некоторые фрагменты исторического культурного ландшафта Сортавалы, в котором крепостям

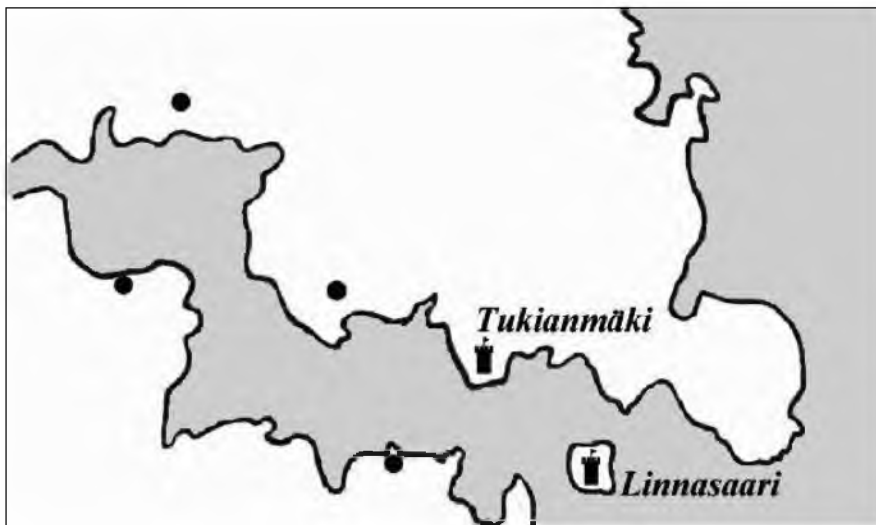
принадлежало центральное место. Показательный пример — два топонима, именующие расположенные друг против друга места (ил. 1): островок *Linnasaari/Линнасаари* 'крепостной остров', который практически запирает вход в узкий длинный залив Токкарлахти (*-lahti* 'залив'), и гора на берегу напротив *Tukianmäki/Тукианмяки*, название которой можно перевести как 'гора поддержки или опоры'. Очевидно, крепость, находившаяся на ней, была «поддерживающей» по отношению к основной островной. Этим топонимам может быть не меньше 700–800 лет. Под прикрытием же крепостей на берегах залива размещалась целая группа поселений (ил. 3), при этом некоторые из них отмечены уже в самом раннем из известных документов — писцовой книге Водской пятины 1500 г. Она доносит до нас имена первооселенцев карелов той далекой эпохи. Топоним *Игакшала* (в шведских и финских источниках *Ihaksala*) сохраняет в основе древнекарельское имя *Ihas* (в основе косвенных падежей *Ihaksa-*) с семантикой 'милый, любимый'. Основатель деревни *Riigola/Ригола* носил календарное имя *Riigo*, из русского *Григорий*. Ойконим *Riekkala/Рькала*, по мнению исследователей, может содержать в основе прозвище *riekka* 'грек', т.е. православный [9]. Нескольким странно, если иметь в виду, что людей православной веры в Приладожье того времени, по сути дела, не было вовсе, и в этом смысле антропоним не играл дифференцирующей роли. Если только прозвище не имело каких-то забытых теперь дополнительных коннотаций. Все ойконимы оформлены традиционным для этих мест «поселенческим» суффиксом *-la* с локативной семантикой (т.е. место жительства Ихакалы, Рийгоя и Риекки).

Не менее выразителен и второй комплекс, который формируется расположенными на противоположных берегах залива Ладожского озера Мёнтсялялахти ('залив деревни Мёнтсяля') крепостями *Линнамьяки* 'крепостная гора' и *Липинлинна* 'лопарская крепость', между которыми разместился остров *Кирккосаари* 'церковный остров'. Вообще связка «крепость — церковь» вполне типична для Приладожья, что естественно: обе свидетельствуют о давнем и устойчивом заселении места, для жителей которого крепость служила материальной, а церковь духовной защитой. Крепости, естественно, старше церквей, но и за последними стоит долгая история. Народная память не сохранила никаких сведений о церкви на острове Кирккосаари. Но на нем историки располагались кладбище и часовня [2. С. 65]. Интересно, что в шведской поземельной книге Кексгольмского лена 1589–1593 гг.

упомянут разоренный войной деревянный монастырь Вайнилы в местности Мёнтсяля [4. С. 10], а в более поздних документах XVII в. отмечается часовенный приход в Мёнтсяля. Естественно предполагать, что его центр находился как раз на Кирккосаари, и именно название острова сохраняет эту историческую память. Было бы перспективно установить, соответствует ли принадлежавшая Валаамскому монастырю деревня в *Ваниле в Турбосари*, упомянутая в писцовой книге Водской пятины 1500 г. [3. С. 168], деревне *Вайниле* шведской переписи конца XVI в. Некоторые косвенные обстоятельства, например порядок перечисления поселений в русском документе, кажется, дают повод для такого предположения. В этом случае документ может доносить прежнее, предшествовавшее *Кирккосаари*, название острова **Turbosuari*.

ГОРОДИЩЕ ПААСО: ПАМЯТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Одна из наиболее известных крепостей — это городище (т.е. укрепленное поселение) Паасо на восточной окраине Сортавалы (ил. 3). Археологические раскопки убедительно свидетельствуют о том, что эта крепость, расположенная на вершине 80-метровой горы с отвесными скалами, существовала уже в эпоху викингов: здесь обнаружены находки X–XI вв. История не сохранила ее названия с тех давних времен. Впервые оно фиксируется в 1500 г. в писцовой книге Водской пятины, где крепость именуется Лигуевым городком: *Деревня под Лигуевым городком, деревня Ильяла у Лигуевского Городка* [3. С. 167] в составе земель Спасской волости Валаамского монастыря в Сердоболи. Судя по названию, здесь в это время находился русский пограничный гарнизон, защищавший сортавальские земли от шведов. То, что под Лигуевым городком имеется в виду именно городище Паасо, убедительно подтверждается топонимическим контекстом — дожившими до сегодняшнего дня топонимами из документа 1500 г.: название деревни *Марила под Лигуевым* сохраняется в именовании плеса реки Хелюля *Мариланламби* ‘ламба [деревни] Марила’ под крепостной горой, а деревни *Лигола* — в названиях *Liikola* (деревня в письменных свидетельствах финского времени) и возвышенности *Liikolanmäki* [Лийколанмяки] ‘торка [деревни] Лийкола’. Последняя находится у подножья крепостной горы и напрямую соотносится с *Лигуевым городком*. *Liikola* — финнизированный глухой вариант исходного карельского ойконима **Liigola*, первоначально **Liigoila*, который образован по стандартной ойконимной модели: антропоним + суффикс *-la* с локативной семантикой, т.е. *Liigoila* — это ‘место жительства

Ил. 1. Остров Линнасаари при входе в залив Токкарлахти

(семьи, рода) Лийгой’, точно так же, как *Сортавала* — место жительства рода Сортава, а, например, мифическая *Калевала* — место, где живет род богатыря и великана Калевы. В свою очередь, антропоним Лийгой или Лигуй в источнике 1500 г. оформлен прибалтийско-финским деминутивным суффиксом *-oi*, свойственным антропонимам. Истоки же самого личного имени или прозвища затемнены. И это при том, что оно хорошо известно прибалтийско-финскому именослову, как и фамилия *Liikanen*, которая отмечается документально уже с XVI в. Составители академического словаря финских фамилий предлагают для нее (под вопросом) германские истоки и связывают с фризским *Liky* — народным вариантом *Lydike* [8. С. 310–311]. Германские имена действительно бытовали в некотором количестве в эпоху

Средневековья в Приладожье. Однако, с другой стороны, названия средневековых поселений Приладожья говорят, скорее, о том, что несравненно более востребованной была исконная антропонимия. В этом контексте резонно искать исконную [карельскую] основу и для Лигуя. Прибалтийско-финская диалектная лексика предлагает такую возможность: основа *liika-* ‘о чем-то чрезмерном, лишнем, ненужном’ приобрела в некоторых карельских и финских диалектах вторичную семантику, которая конкретизирует это достаточно размытое и многоаспектное значение. Ею могут называть наросты на дереве или на коже человека или, например, катаракту, т.е. что-то дополнительное, избыточное. Она может использоваться применительно к человеку: чужак, пришлый. Она бытует и в качестве

Ил. 2. Вид с горы Паасо на оз. Кармаланярви. 2023 г. Фото И. И. Муллонен

именования мифологического существа или существ, вызывающих болезни, беспокойство и бессонницу у ребенка, смерть от несчастного случая и другие несчастья [5; 10]. В принципе каждый из этих семантических дериватов может потенциально выступать основанием для имени, хотя семантика 'чужак, пришлый', может быть, наиболее уместна, подтверждаясь своим рядом соответствующих прозваний.

Современное название городища Паасо трактуется обычно как восходящее к финскому антропониму Paaso либо выводится из финского же термина *paasi* 'широкий плоский камень, каменная плита' [2. С. 36]. Последняя интерпретация казалась до последнего времени наиболее убедительной как отражающая реальные особенности местности — плоская скалистая вершина крепостной горы. Однако обращение к письменным источникам позволило выйти на другую трактовку.

Судя по ним, за современным обликом топонима скрывается карельское слово *Spuassu*, которое, в свою очередь, восходит к рус. *Спас*. На это указывает, во-первых, финская топографическая карта 1930-х гг., на которой гора именуется *Paassonvuori* [Паассонвуори]. Вторым элементом *-vuori* значит по-фински 'большая гора', а первый явно отражает адаптацию исходного карельского *Spuassu* к финским фонетическим особенностям — нежелательности сочетания согласных в начале слова и преобразование карельского дифтонга в финский долгий гласный. Подтверждением служит запись *Spasvuara* [Спасвуара] в небольшом сборнике народных преданий Северного Приладо-

жья, собранных известным археологом и, собственно, открывателем средневекового карельского Приладожья Теодором Швиндом в 1870-е гг.: «Говорят, что на Яанатсаари и Спасвуори, оба места недалеко от города Сортавалы, сохранились остатки валов» [4. С. 7]. Упомянутое тут место *Spasvuori* (*vuori* 'гора') явно перекликается с названием *Spasava mäckj* [Спасавая мяки], отмеченным в шведском документе 1702 г. у старинной деревни Хелюля, которая расположена у подножья горы Паасо [6. С. 102]. Судя по облику, в шведском написании воспроизводится русский оригинальный топоним **Спасова гора*, в котором второй элемент переведен на карельский или финский: *mäki* 'гора'. То, что в основе лежит русский этимон, не вполне обычно для Приладожья, но логично с точки зрения характера и предназначения самого объекта — укрепленный военный объект, в котором находился русский с точки зрения языка военный гарнизон. Название функционировало в официальной среде — в документах, на военных картах, откуда могло перекочевать и в шведские документы в виде своеобразной полукальки, в которой сохранилась исходная атрибутивная часть топонима, а номенклатурный термин был переведен. Топоним, таким образом, прошел долгий путь от русской *Спасовой горы* через карельский *Spuassu/mäki* к финскому *Paasson/vuori* и, наконец, вновь русскому *гора Паасо*. Этот ряд выглядит вполне корректно с точки зрения языковых закономерностей. Топоним отсылает, конечно, к названию церкви или часовни, с чем хорошо коррелирует шведская карта 1642 г.,

которая отмечает на горе две часовни, правда, без названий [7. С. 54–55]. Очевидно, в конце концов в топониме сохраняется память о Спасской волости Валаамского монастыря в Сердолови, на территории которой находилось городище еще в конце XV в. Топоним, таким образом, может быть значительно старше, чем его первые известные фиксации в шведоязычных источниках, и отражает важную страницу в истории укрепленного городища.

Пример реконструкции фрагмента средневекового культурного ландшафта Сортавалы на основе топонимов показывает, как неразрывно переплелись здесь три языковых стихии — карельская, русская и финская, за которым стоит непростая история приграничной территории. Тем более знаменательно, что, несмотря на все исторические и политические перипетии, здесь сохранились топонимы, возникшие в глубокой древности. Устойчивость их обеспечивалась преемственностью как в устной практике, так и на официальном уровне бытования через использование в разного рода официальных документах, списках и на картах.

Литература

1. Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010.
2. Муллонен И., Смирнова И., Громов В., Яровой О. Тысячелетний Сортавала. Исторические ландшафтные театры. Сортавала, 2012.
3. Переписная окладная книга по Новотороду Вотьской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. М., 1852. С. 1–188.
4. Kansantaruja Laatokan luoteisrannikolla kesällä 1879 / koontanut Th. Schvindt. Helsinki, 1883.
5. Karjalan kielen sanakirja. Osat 1–6. Helsinki, 1968–2005. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu; 18).
6. Kuujo E. Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana. Helsinki, 1963.
7. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Helsinki, 1970.
8. Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 2000.
9. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
10. Suomen murteiden sanakirja. 2011–2023. (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu; 30). URL: <http://kaino.kotus.fi/sms>. [Картотека хранится в Центре национальных языков Финляндии (Kotimaisten kielten keskus), Хельсинки].

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23–18–00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439>.

Статья поступила в редакцию 16 мая 2023 г.

Ил. 3. Городище Паасо